

Ирина Анатольевна ЕДОШИНА¹
Елена Александровна ОСИПОВА²

УДК 821.161.11

СБОРНИК КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

¹ доктор культурологии, профессор кафедры истории,
Костромской государственной университет
tettixgreek@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4265-3611

² аспирантка кафедры истории,
Костромской государственной университет
elena-decide@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1046-0719

Аннотация

В статье рассматривается проблема понятийного статуса сборника. Обозначенная проблема исследуется с помощью целого ряда методов, из которых наиболее значимыми являются аналитический, историко-литературный при общем культурологическом подходе к пониманию сущности и смыслового поля творческих функций сборника. Специальное внимание уделяется актуальности формирования сборника как особой художественной формы в культуре Серебряного века. Обозначаются причины появления сборника, его специфика как формы представления сугубо личностной позиции автора. Наиболее значимые характеристики сборника выявляются на примере анализа сборника Д. С. Мережковского «Вечные спутники». Специальное внимание уделяется формированию сборника критических статей как отражению авторской мысли и самой эпохи. С этой целью анализируются статьи, составившие содержание сборника. Указывается на специфический субъективизм авторского осмысления литературных произведений, что в целом вполне соответствует духу времени — Серебряному веку. Подчеркивается, что собранные в сборнике статьи отражают динамику размышлений Мережковского. Одновременно собранные в сборнике и подчиненные общему разви-

Цитирование: Едошина И. А. Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века / И. А. Едошина, Е. А. Осипова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 108-122.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

тию авторской мысли статьи могут пониматься как единое целое, а сам сборник — как форма представления творческой личности в художественной культуре Серебряного века. Специальное внимание уделяется личности издателя и хорошего знакомого Мережковского — П. П. Перцова. В итоге проведенных аналитических процедур над текстами в сборнике Мережковского «Вечные спутники» выявляются характерные черты представления автора не столько как литературного критика, сколько как мыслителя. В итоге делаются выводы общего характера: сборник является формой представления личности автора, указываются принципы организации сборника, отмечается значимость авторского прочтения явлений литературы и культуры в целом.

Ключевые слова

Культура Серебряного века, сборник как понятие, издатель как соавтор сборника, сборник как форма представления творческой личности, зарубежные писатели, русские писатели, субъективная критика, сборник Д. С. Мережковского «Вечные спутники».

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

Введение

В данной статье исследуется работа Д. С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (далее — «Вечные спутники») с целью установления ее принадлежности к «сборнику» как форме представления творческой личности, а не как собрание литературно-критических статей одного автора. Указываются и обосновываются причины зарождения «сборника» как специальной формы, отвечающей художественному дискурсу Серебряного века. Актуальность обозначенной цели определяется постановкой самой проблемы, которая в современном гуманитарном знании скорее только намечена, нежели исследована.

Методы

Методологической базой в статье является герменевтический подход. Авторами используются аналитический, историко-литературный методы в понимании сущности и описании смыслового поля сборника как феномена в литературе Серебряного века. Данные методы позволяют структурировать и обобщить полученные результаты, а также сформировать целостную картину проблемных вопросов в понимании сущности сборника как формы отражения творческой личности в исследуемый период.

Результаты исследования и их обсуждение

Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века

Серебряный век в русской культуре был временем ее бурного развития. Кажется, что все, копившееся в течение века Золотого, вдруг подверглось переосмыслению, послужив мощным импульсом к рождению новых форм в художественном творчестве. Одни из этих форм заявляли о себе ярко, образуя художествен-

ные направления. Но были и другие, «негромкие» формы, которые даже и не осознавались как таковые, а уж тем более — новые. Должно было пройти немалое количество времени, чтобы обнаружить эти самые «негромкие» формы, в которые, между тем, облекались весьма известные тексты. Такой «негромкой» формой, словно в унисон своему названию, оказался «сборник». Одним из первых на эту форму обратил внимание В. Н. Крылов в работе «Русская символистская критика: генезис, традиции, жанр» (2005), где, в частности, указал на главную особенность сборников Серебряного века: «не механические собрания статей, а сборники, пронизанные внутренней логикой» [10, с. 268]. Эта логика определяется, по В. В. Полонскому, тем, что «художественный мир объекта критического осмысления служил Мережковскому лишь одним из ключей к пониманию «тайны его существования», средством к построению законченной концепции *Личности*, притворенной в некий знак, за которым закреплено строго определенное значение» [15, с. 170].

1. Субъективная критика в понимании Мережковского и современников

Осенью 1896 г. в Петербурге выходят «Вечные спутники» уже известного, но не получившего еще признания автора — Д. С. Мережковского, который явился перед читателем не столько критиком, сколько писателем и мыслителем, как заметит позднее Ю. Терапиано [19, с. 440]. Этот синтез писателя и мыслителя заявлен уже в предисловии, где Мережковский сразу, буквально во втором предложении, сообщает о своей цели, которая «заключается не в том, чтобы дать более или менее объективную, полную картину какой-либо стороны, течения, момента во всемирной литературе; цель его — откровенно *субъективная*» [11, с. 5]. Причем субъективизм этот имел двойственную природу и заключался в отборе имен (субъективизм автора), в отборе свидетельств из их жизни и творчества отобранных (намеренно субъективных, о чем сообщалось уже в предисловии).

Но был еще один аспект в субъективизме Мережковского, который чутко уловили современники: «Он верит в объективную истину, но думает, что раскрыть ее можно, именно „не выходя из своего я“» [4, с. 602]; «г. Мережковский не только не скрывает своих мнений эстетических или этических, религиозных или социальных, но даже открыто исповедует их, негодует или восторгается и волнуется» [18, с. 644]; очерки, «несмотря на видимое разнообразие, посвящены одному великому предмету — самому г-ну Мережковскому, чего он нисколько и не скрывает» [2, с. 689].

Сам Мережковский из всех прочитанных рецензий наиболее высоко оценил рецензию Б. В. Никольского, который в письме к П. П. Перцову указал на главную особенность «Вечных спутников»: «... самосознание всякого „скитальчества“, т. е. отречение от своей жизни ради чужой жизни» [14, с. 172173]. Как видим, Никольский расширяет содержание субъективного в «Вечных спутниках» за счет указания на скитальчество как феномен русского бытия. Но скитальчество предстает сквозь призму самосознания, то есть восприятия и описания Мережковского.

Культурфилософский аспект субъективной критики

Действительно, поразивший современников нескрываемый многослойный субъективизм автора отличает сборник «Вечные спутники», оказываясь сущностной характеристикой издания в целом. Как отмечает В. Я. Сарычев, мысль Мережковского (как субъективного критика) стремилась к «беспокровному», «оголенному» виду, исповедуя одновременно «гностицистский рационализм» [17, с. 76]. Гностицизм представляет сложный культурный феномен, изначально апеллировавший к христианским или к иудейским традициям. Но постепенно гностицизм стал ассоциироваться с сокровенным знанием, доступным ограниченному кругу людей. В этом контексте «гностицистский рационализм» может прочитываться как стремление Мережковского представить тайные коды культуры (по аналогии с популярной в его время книгой Э. Эннекена «La critique scientifique», 1888) в виде суммы художественного, личностного и общественного аспектов, где художественное — это литературное произведение, личностное — восприятие литературного произведения в прошлом и настоящем, общественное — взаимоотношения писателя с современниками. Мережковский убежден, что «каждый век, каждое поколение требует объяснения великих писателей прошлого в своем свете, в своем духе, под своим углом зрения» [11, с. 6].

2. Понятийный статус сборника*Антология, альманах, книга*

В рецензиях на «Вечных спутников» Мережковского рядом с нейтральным определением «книга» несколько раз появляется слово «сборник», причем не только в связи с «Вечными спутниками», но и «Философскими течениями в русской поэзии». Оба издания — детище П. П. Перцова. Публикатор писем Мережковского именуется издания самого Перцова («Молодая поэзия», 1895; «Философские течения русской поэзии», 1896) антологиями (Перцов в воспоминаниях обозначает те же издания сборниками), а «Вечных спутников» — книгой [114, с. 156]. Хотя в комментариях «Философские течения» именуется как сборник [14, с. 160]. Попробуем разобраться и понять, что же такое «Вечные спутники» как издание, обратившись сначала к сходным по способу создания книгам.

Начнем с *антологий* как исторически наиболее древнего понятия. В переводе с греческого это слово обозначает «собрание цветов». Изначально в антологиях собирались лирические стихотворения, позднее — избранные литературные, философские, музыкальные произведения разных авторов. Примером классической антологии могут быть названы, например, «Палатинская антология» (X в.) Константина Кефалы или первая отечественная антология «Собрание русских стихотворений» (1811) В. А. Жуковского.

Далее — *альманах*. Это слово арабского происхождения. Изначально альманахи составлялись из новых произведений разных авторов. В основе могли быть тематический или идейный принципы. Альманах был переходным изданием: противопоставлялся газете и одновременно воспринимался как альтер-

натива журналу. В России образцами альманаха стали издания «Аглая» (1794-1795) Н. М. Карамзина и «Северные цветы» (1824-1830) А. А. Дельвига.

Как видим, и альманах, и антология предполагают собирание под одной обложкой *разных* авторов, чьи произведения должны представить лучшие образцы современного или исторического литературного процесса.

В приводимых цитатах используется и слово «книга», но если, конечно, не иметь в виду ее написания с большой буквы, отсылающего к главной Книге христиан, то под «книгой» понимается «произведение печати в виде переплетенных листов с каких-нибудь текстом» [13, с. 285]. Таким образом, книгой является любое печатное издание.

«Сборник» как феномен

Ну, а теперь обратимся к слову *сборник*. Это слово славянского происхождения, является отглагольным (от «собирать») существительным: в древнерусском изводе — «сбор», а в церковно-славянском — и вообще «собор» («съборъ»), то есть «епископия» [20, с. 568] как собрание многих, объединенных в веру в Бога. Следовательно, этимологически слово «сборник» в нашем случае указывает на собрание текстов, объединенных общей идеологией или идеей. Поскольку любой сборник составляется (собирается), то значительную роль в сборнике играют не только автор статей, но и тот, кто их собирает под одной обложкой, даже если это сам автор.

Если с обозначенных позиций подходить к «Вечным спутникам», то это издание идеально соответствует понятию *сборник*, каким он сформировался в русской культуре конца XIX века. В сборник собирались статьи, написанные одним автором в разные годы, отражая его представления о мире, месте человека в мире, наконец, свидетельствуя о самом авторе. Кроме того, соединенные в сборнике разрозненные статьи одного или нескольких авторов отражали смыслы времени [6, с. 241]. Вбирая все указанные значения, сборник становится формой представления творческой личностью не только себя как индивидуума, но и «вечный» своего времени.

Одним из первых составителей и издателей такого рода сборников выступил Петр Перцов (1868-1947) — писатель, искусствовед, литературный критик, журналист, автор мемуаров. Готовя и издавая сборник, посвященный русской поэзии, он писал: «Основная цель сборника — разъяснение и определение философских течений нашей поэзии... Сообразно с этой целью, руководящие критические очерки, посвященные каждому поэту, имеют в виду главным образом его мирозерцание; рассматривают его, как мыслителя, как философа» [21, с. 10]. Тщательное изучение новой и классической поэзии сформировало в Перцове человека, могущего безошибочно определить степень талантливости писателя (начинающего в том числе), собрать его разновременные работы в единое целое под названием «сборник» и представить читающей публике творческую личность не статично, а в движении мысли. Ярким примером такого рода сборника стали «Вечные спутники» Мережковского.

3. Сборник «Вечные Спутники» как форма представления личности автора

Ко времени издания «Вечных спутников» Перцов был уже хорошо знаком с Мережковским. Они активно переписывались, искренне поверяя друг другу свои мысли. Как издателю Перцову было важно через «облик» творческого человека представить самое время как своеобразную «встречу» прошлого с настоящим. Причем, не в абстрактной форме, а именно в субъективном восприятии творческого человека, живущего на рубеже двух эпох. Потому в сборник не вошли статьи, которые отличались подчеркнутой объективностью [12].

Составившие сборник статьи были написаны Мережковским в течение 1888-1896 годов, посвящены зарубежным — Плинию Младшему, Марку Аврелию, Кальдерону, Сервантесу, Гёте, Монтеню, Флоберу, Ибсену — и русским — Достоевскому, Гончарову, Майкову, Пушкину — писателям. На самом деле, «вечных спутников», к биографии и творчеству которых обращается Мережковский, намного больше, но в заглавие вынесены те, что, по его мнению, сыграли наиболее значительную роль в развитии литературы, оказав влияние и на общественную жизнь.

Мережковский как субъективный критик

Субъективная критика Мережковского в сборнике «Вечные спутники» наглядно проявляет себя в нескольких аспектах.

Прежде всего, в оценке имен писателей, выбранных для сопоставлений и параллелей. В основу такой оценки кладется воздействие произведений писателя на читателя. Ярким примером такого воздействия является сопоставление Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Мережковский находит в писателях то, что их объединяет, не забывая при этом о присущей каждому специфике: «Оба писателя глядят на жизнь со стороны: один из тихой артистической мастерской, другой — с высоты отвлеченной морали» [11, с. 175]. Следом в Достоевском подчеркивается почти родственная близость писателя своим читателям («он любил нас просто, как друг, как равный»), в Л. Толстом — высокомерие проповедника («мы все-таки грешные люди, а Толстой слишком презирает наше „гнилое“ интеллигентное общество, чувствует слишком глубокое отвращение к слабостям грешных людей») [11, с. 175].

Другим основанием для сопоставления служит отношение писателей и героев их произведений к прошлому и настоящему. По мысли Мережковского, Достоевский, М. Ю. Лермонтов и Дж. Байрон напряженно вглядываются в будущее и ожидают перемен, а Вальтер Скотт и И. А. Гончаров ищут в настоящем времени параллели из прошлого. Так, в романе Гончарова «Обломов» внимание Мережковского привлекает авторская мысль о том, что «люди прошлого, совсем или почти совсем не тронутые современностью» [11, с. 208], а потому являют собой цельные натуры, не утратившие способности раскаиваться в грехах. В Райском Мережковский обнаруживает переходный тип. С одной стороны, Райский устремлен в будущее, но с другой — прошлое (воспитание, детские воспоминания, привязанность к родным деревенским местам) не покидает его

сознания, воплощая идеальный мир: «Здесь не было ни в ком претензии казаться чем-нибудь другим, лучше, выше, умнее, нравственнее, а между тем на самом деле оно было выше, нравственнее, нежели казалось, и едва ли не умнее» [11, с. 208]. Однако, по мысли Мережковского, есть в романе Гончарова особый сорт героев, которые не принадлежат ни к прошлому, ни к настоящему, они словно рождаются с верой «в божественное начало человеческой совести» [11, с. 212]. Такова Вера, в которой воплощен вечный идеал любви, рожденный союзом библейской мудрости с чистотой сердечных помыслов. По своей склонности искать противоположности Мережковский обнаруживает ее полный антипод. Это — Марк Волохов с его беспощадным и бесплодным отрицанием. Своеобразная встреча веры и ее отрицания завершается для Мережковского вопросом «а что же дальше?» Ответ на этот вопрос Мережковский ищет не только в художественных текстах, но и в биографиях выбранных им писателей, для чего он обращается к их письмам, дневникам, воспоминаниям — свидетельствам столь же субъективным, как и его прочтение художественных произведений.

Субъективизм Мережковского сказался в том, что он (вопреки всем хронологиям) помещает Пушкина в самый финал своего сборника, к нему стягиваются все нити его размышлений, потому что, по мысли автора «Вечных спутников», Пушкин — та финальная точка, с которой все начинается. Мережковский видит в Пушкине не только поэта, но и мыслителя, что делает его равным Гёте и Байрону. В Пушкине Мережковский обнаруживает великого мыслителя и мудреца, в его поэзии — «стройное мирозерцание» [11, с. 230]. Однако обнаружить это мирозерцание сложно, поскольку Пушкин не оставил ничего сопоставимого по своей стройности и завершенности с «Фаустом» Гёте или «Божественной Комедией» Данте. Пушкинские мысли разбросаны по его произведениям, но при этом он «ясен, как древние эллины, оставаясь сыном своего века» [11, с. 238].

Субъективизм как способность мыслить и чувствовать

В итоге своих размышлений Мережковский обнаруживает в теме «Пушкин» то, с чего он начал свой сборник — греческую античность. Сквозь призму пушкинского наследия и его усвоения Мережковский ясно видит свою задачу как мыслителя: субъективность — не самоцель, но то основание, которое сохраняет тепло человеческой жизни, ее уникальность в протяженности времени. «Это — не аскетическое самоистязание, жажда мученичества во что бы то ни стало, как у Достоевского; не покаянный плач о грехах перед вечностью, как у Льва Толстого; не художественный нигилизм и нирвана в красоте, как у Тургенева; это — заздравная песня Вакху во славу жизни, вечное солнце, золотая мера вещей — красота» [11, с. 240].

В финальной части под названием «Пушкин» на самом деле, как уже отмечалось, речь идет не об одном только Пушкине. Со свойственной Мережковскому методичностью он вновь обращается ко всем тем именам, о которых он уже писал, словно поверяя их гением Пушкина, между делом обращая внимание

на существо искусства: «Необходимым условием всякого творчества, которому суждено иметь всемирно-историческое значение, является присутствие и в различных степенях гармонии взаимодействие двух начал – нового мистицизма как отречения от своего „Я“ в Боге и язычества как обожествления своего „Я“ в героизме» [11, с. 284]. Собственно, здесь и заключается смысл «субъективизма» Мережковского, по существу своему апеллирующему не только к личности самого автора, но и к его способности видеть в разнородных явлениях общее, не утрачивая при этом живого дыхания жизни. Потому вполне закономерно он соотносит сборник «Вечные спутники» с дневниковыми записями читателя конца XIX века.

Галерея «вечных спутников» в контексте субъективизма

Авторский «субъективизм» в сборнике «Вечные спутники» имеет еще одну чрезвычайно важную характеристику, которую можно обозначить как просвещенческую, казалось бы, мало совместимую с личностью Мережковского. Эстет до мозга костей, полиглот, яркий представитель русского европеизма, кабинетный деятель, Мережковский, по его собственному признанию, задается целью создать своеобразную общедоступную галерею «миниатюрных портретов великих писателей разных веков и народов — для русской публики в значительной мере великих незнакомцев, ибо кроме их имени русский читатель до сих пор знает о них разве по отрывкам неудовлетворительных переводов или по безличным выдержкам из курсов литературы и справочных книг» [11, с. 6]. Стремясь исправить сложившуюся ситуацию, Мережковский помещает в своей общедоступной галерее условную семью известных деятелей художественной культуры и их читателей, образующих столь же условную «русскую семью», которой он предлагает совершить вместе с ним экскурсию, подобную той, что чуть позднее обрисует И. М. Гревс: «От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и архив!» [5, с. 27].

Думается, именно по причине условно семейного посещения галереи «вечных спутников» сборник открываются статьями об Акрополе и романе Лонга (у Мережковского — Лонгуса) «Дафнис и Хлоя», в которых греческая культура предстает в ее классических (предельно отвлеченных от бытия) и эллинистических (предельно насыщенных миром человеческих чувств) формах. Мережковский ведет (в прямом смысле этого слова, давая возможность увидеть, услышать, почувствовать) своего читателя «от начала начал» к тем временам, когда все подверглось коренной перестройке. Осматривая Акрополь и восхищаясь им, Мережковский искренне грустит об утрате классического умения «творить согласно с природою» и задается вопросами: «Чего мы ищем? Куда идем? Что поселило в нашем сердце смятение, недоверие к природе, страх перед жизнью и перед смертью?» [11, с. 14]. Но не дает ответа. В окружающей его и читателей жизни Мережковский обнаруживает духовную одичалость, варварскую нелепость роскоши, а в современных городах, построенных из железа и камня, — вызов природе. Современной Мережковскому и его читателям архитектуре

противостоит мир человеческих чувств, не утративший притягательности даже в их эллинистическом изводе. Искренность чувств Дафниса и Хлои приводит Мережковского к мысли о том, что «возвращение к природе от лицемерия, лжи и условностей культуры. В сущности это и есть главная философская тема всех великих поэм любви, начиная от „Песни песней“ Соломона и „Сакунталы“ Калидасы: любовь возвращает человека к природе, и это дает случай поэту изобразить прелесть сельской, наивной и здоровой жизни в ее противоположности с болезненной культурой больших городов» [11, с. 27]. Дав нерадостные характеристики современной городской культуре, Мережковский обращается к художественной литературе разных времен, стремясь вместе с читателями найти ответы на вопросы о смысле бытия. Отсюда использование местоимения «мы», которое способствует, с одной стороны, усилению эмоциональной окраски авторских мыслей, а с другой — акцентирует сближение читателя и автора.

Глубинный смысл произведений некоторых авторов, например, Сервантеса, может открыться читателям только много позднее. Мережковский пишет: «В органическом, непроизвольном процессе творчества гений, помимо воли, помимо сознания, неожиданно для самого себя, приходит иногда к таким комбинациям чувств, образов и идей, глубину и значительность которых дано оценить только отдаленным поколениям читателей. В этом смысле поэт носит в своей груди не только прошлое, но и неизвестное будущее всего человечества» [11, с. 340]. Но есть в условной галерее Мережковского писатель, старческая внешность которого словно преодолевается горящим взглядом восемнадцатилетнего юноши. Это — Гёте, лучший представитель человечества, почти сверхчеловек, чья душа раскрывается благодаря знаменитым записям его секретаря И.-П. Эккермана, известным как «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни, 1823-1832. Ч. 13» (1836-1848). В этих записях внимание Мережковского привлекает синтез веры и знания как источник простоты сотворенного мира. Вслед за Гёте Мережковский убежден, что «простота мира и есть его чудесность, таинственность, божественность» [11, с. 320]. Эта мысль Гёте становится путеводной для той задачи, которую решает Мережковский: приобщить любого своего читателя, независимо от его социального положения или образования, к вершинам художественного творчества. Если вся тайна бытия в его простоте, как утверждает Гёте (а Гёте, по Мережковскому, не может ошибаться, совмещая в себе одновременно и мудрость старости, и чувственность юности), то в движении с читателями по галерее блистательных умов необходимо всякий раз находить великое в обыденном, в привычном. В этом ряду ярким примером является роман Оноре де Бальзака «Крестьяне», где в простом мужике обнаруживается страстный мечтатель и увлекающийся поэт.

Ведя своего читателя по («общедоступной») галерее великих памятников человеческой мысли, Мережковский создает запоминающиеся портреты, раскрывает наиболее значимые проблемы в творчестве писателей, указывает на источники их творчества, не скрывая при этом своего личного отношения. Он органично и убедительно отмечает сходство между далекими событиями и

теми, в которых живут и он, и его читатели. В результате прежние писатели-незнакомцы обретают иной статус — спутников.

Прежде всего, следует заметить, что «Вечные спутники» Мережковского в обозначенном в статье аспекте не исследовались. Потому обратим внимание на работы, в которых уделяется специальное внимание «Вечным спутникам» и критике Мережковского 1880-х — 1890-х гг. Так, А. А. Журавлева подробно анализирует «зарубежных» спутников в сборнике Мережковского, стремясь обрисовать параметры субъективной критики автора. Включенные в сборник статьи именуется очерками, а все издание, соответственно — книгой очерков, которые напоминают художественное произведение [8, с. 107]. Подобный подход представляется малопродуктивным. В диссертации Е. Г. Кабаковой утверждается, что в критике Мережковского интересующего нас времени концепция личности, как и интерес к ней отсутствует, что Мережковский просто использует утвердившийся взгляд на личность [9, с. 9]. В отличие от Журавлевой и Кабаковой Е. А. Андрущенко, наоборот, подчеркивает значимость «Вечных спутников» в творчестве Мережковского. Исследовательницей также отмечается дилемма в определении специфики собранных в сборнике текстов. Но указанная проблема не входила в задачи статьи, потому было использовано нейтральное определение — литературно-критические статьи [1, с. 704]. В. В. Полонский определяет сборник Мережковского как пратекст [15, с. 159] и вслед за И. С. Приходько [16, с. 199] считает, что избранный Мережковским «ограниченный круг крупнейших русских и зарубежных литературных деятелей подвергался сознательной символизации и мифологизации» [15, с. 160]. Н. К. Бонцакая указывает на философский аспект в критике Мережковского, подробно исследует специфику его размышлений, обращаясь к разным произведениям, усматривая в такого рода критике отражение самосознания эпохи [3, с. 110]. Актуализация связи самосознания эпохи и критики Мережковского представляется наиболее плодотворной для нашей статьи.

Заключение

Таким образом, сборник «Вечные спутники», будучи собранием статей, которые объединяет не только общий предмет для размышлений — писатели и их произведения, но и разновременность написания самих статей, что разворачивает мысли Мережковского во времени. Динамике времени написания статей вторит динамизм самой мысли, легко преодолевающей временное, языковое, культурное пространство, задерживающейся лишь на том, что рождает отклик в самом Мережковском.

В сборнике автор является перед читателем как человек, размышляющий вместе с читателем, будящий мысль своего читателя, не скрывающий своей заинтересованности в нем. Мысль Мережковского менее всего носит абстрактный характер. Он стремится «согреть» ее как за счет собственных непосредственных реакций на прочитанные произведения литературы, так и специально отобранных событий из жизни писателей.

Но есть у сборника «Вечные спутники» еще один нюанс, составляющий значимую характеристику сборника как феномена культуры Серебряного века. И этот нюанс связан с личностью издателя — Петра Перцова. Он не просто знакомый Мережковского или человек, живший в то же самое время. Он издал сборник Мережковского на собственные деньги, потому что чутко уловил в «Вечных спутниках» дух времени, нашедший воплощение в жизнотворчестве, понимаемом как «стремление претворить в жизнь идею, придать идее кровь и плоть ... чтобы в результате самое бытие получило новый смысл» [7, с. 158]. В этом контексте сборник «Вечные спутники» Мережковского-Перцова может пониматься как акт представления самого времени, чье настоящее густо замешано на осмыслении прошлого. Причем самое осмысление носит сугубо индивидуальный характер, резко порывающий связь с традиционными представлениями о литературной критике. Главный герой сборника «Вечные спутники» — мыслящая творческая личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрущенко Е. А. Спутники Д. С. Мережковского / Е. А. Андрущенко // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 703-757.
2. Из русских изданий. Два крайних места о Пушкине // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 688-692.
3. Бонецкая Н. К. В поисках Неведомого Бога. Мережковский — мыслитель / Н. К. Бонецкая. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 384 с.
4. Горнфельд Ар. Критика и лирика (Д. С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Санкт-Петербург, 1897) / Ар. Горнфельд // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 602-640.
5. Гревс И. М. Научные прогулки по историческим центрам Италии: Очерки флорентийской культуры / И. М. Гревс. Москва: Тип-я Тов-ва Кушнерев и К, 1903. 62 с.
6. Едошина И. А. Культурфилософия понятия «эпоха»: к характеристике *fin de siècle* / И. А. Едошина // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 5. С. 240-245.
7. Едошина И. А. Культурфилософский аспект в жизнотворчестве Максимилиана Волошина / И. А. Едошина // Соловьевские исследования. 2014. Вып. 4 (44). С. 156-181.
8. Журавлева А. А. «Вечные спутники» Мережковского как образец субъективной критики / А. А. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 11. Журналистика. 2005. № 1 (2). С. 99-108.
9. Кабакова Е. Г. Динамика текстопорождения в критике Д. С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Кабакова. Екатеринбург, 2001. 24 с.

10. Крылов В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры / В. Н. Крылов. Казань: Издательство Казанского университета, 2005. 268 с.
11. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Д. С. Мережковский. Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Серия: Литературные памятники. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 903 с.
12. Муртузалиева Е. А. Литературно-критические работы Д. С. Мережковского 1893-1894 годов: жанр, типология, своеобразие / Е. А. Муртузалиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 3 (81). Ч. 2. С. 235-240.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва: Азъ LTD, 1992. 960 с.
14. Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М. Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156-181.
15. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века / В. В. Полонский. Москва: Наука, 2008. 285 с.
16. Приходько И. С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) / И. С. Приходько // Д. С. Мережковский. Мысль и слово / Редкол.: В. А. Келдыш, И. В. Корецкая, М. А. Никитина. Москва: Наследие, 1999. С. 198-206.
17. Сарычев Я. В. «Субъективная критика» в системе теоретических и художественных исканий Д. С. Мережковского / Я. В. Сарычев // Русская литературная критика Серебряного века / отв. ред. С. Г. Исаев. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 1996. С. 73-77.
18. Спасович В. Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники» / В. Д. Спасович // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 641-681.
19. Терапиано Ю. Дмитрий Мережковский: взгляд в прошлое / Ю. Терапиано // Д. С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. С. 437-447.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд. Санкт-Петербург: Терра-Азбука, 1996. 832 с.
21. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского, П. П. Перцова, В. С. Соловьева / Изд. П. Перцов. Санкт-Петербург: Типография Ф. Меркушева, 1896. 389 с.

Irina A. EDOSHINA¹

Elena A. OSIPOVA²

UDC 821.161.11

**COLLECTION OF ESSAYS AS A FORM
OF CREATIVE REPRESENTATION
IN THE CULTURE OF THE SILVER AGE**

¹ Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor,
Department of History, Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4265-3611

² Postgraduate student,
Department of History, Kostroma State University
elena-decide@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1046-0719

Abstract

The article looks into the conceptual status of a collection of essays. This subject is investigated by using a number of different methods, of which the most significant ones are analytical, historical and cultural, with a general cultural and philosophical approach to understanding the essence and the semantic scope of the creative functions of a collection of essays. Particular attention is given to the relevance of the creation of a collection of essays as a special art form in the culture of the Silver Age. The article defines the reasons for a collection of essays and its specificity as a form of the presentation of the solely personal thoughts. The most significant characteristics of a collection of essays are identified in the example of the analysis of the collected volume of essays by D. S. Merezhkovsky "Eternal Companions". Special attention is paid to the creation of the collection of critical essays as a reflection of the author's thoughts and the era itself. For this purpose, the articles included in the content of the collection are analyzed. The specific subjectivity of the author's comprehension of the literary works is noted, and in general it is fully consistent with the spirit of the times of the Silver Age. It is emphasized that the essays included in the collection reflect the dynamics of Merezhkovsky's thoughts. The essays collected in the volume conform with the general mainstream of the

Citation: Edoshina I. A., Osipova E. A. 2022. "Collection of essays as a form of creative representation in the culture of the Silver Age". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 108-122.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

author's thoughts, they can be understood as a single whole, and the collection itself can be regarded as a form of the representation of a creative personality in the artistic culture of the Silver Age. Special attention is given to the personality of the publisher who was a good acquaintance of Merezhkovsky P. P. Pertzov. Following the analytical procedures carried out on the texts in Merezhkovsky's collection "Eternal Companions", it is noted that the characteristic features of the author's ideas present him not only as a literary critic, but mostly as a thinker. Eventually, the general conclusions are made: the collection of essays goes beyond the limits of only one author, the principles of its organization are indicated, and the importance of the author's interpretation of the literary and cultural events as a whole is noted.

Keywords

Culture of the Silver Age, collection as a concept, publisher as a co-author of the collection, collection of essays as a form of representation of a creative personality, foreign writers, Russian writers, subjective criticism, collection by D. S. Merezhkovsky "Eternal Companions".

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-108-122

REFERENCES

1. Andrushchenko E. A. 2007. "Satellites of D. S. Merezhkovsky". Merezhkovsky D. S. *Eternal Satellites. Portraits from World Literature*. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 703-757. [In Russian]
2. Andrushchenko E. A. (ed.). 2007. "From Russian editions. Two extreme places about Pushkin". Merezhkovsky D. S. *Eternal Companions. Portraits from World Literature*. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 688-692. [In Russian]
3. Bonetskaya N. K. 2017. *In Search of the Unknown God. Merezhkovsky is a Thinker*. Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 384 p. [In Russian]
4. Gornfeld Ar. 2007. "Criticism and lyrics (D. S. Merezhkovsky. *Eternal companions. Portraits from world literature. St. Petersburg, 1897*)". Merezhkovsky D. S. *Eternal Satellites. Portraits from World Literature*. Edited by E. A. Andrushchenko. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 602-640. [In Russian]
5. Grevs I. M. 1903. *Scientific Walks in the Historical Centers of Italy: Essays on Florentine Culture*. Moscow: Partnership Kushnerev and K Printing House. 62 p. [In Russian]
6. Edoshina I. A. 2014. "Cultural philosophy of the concept of 'epoch': to the characteristics of fin de siècle". *Kostroma State University Publishing House*, no. 5, pp. 240-245. [In Russian]
7. Edoshina I. A. 2014. "Cultural and philosophical aspect in the life of Maskimilian Voloshin". *Solovyov Research*, iss. 4 (44), pp. 156-181. [In Russian]
8. Zhuravleva A. A. 2005. "'Eternal Companions' by Merezhkovsky as an example of subjective criticism". *Chelyabinsk State University Publishing House. Series 11. Journalism*. No. 1 (2), pp. 99-108. [In Russian]
9. Kabakova E. G. 2001. "The dynamics of text generation in the criticism of D. S. Merezhkovsky". *Cand. Sci. (Philol.) diss. Ekaterinburg*. 24 p. [In Russian]
10. Krylov V. N. 2005. *Russian Symbolist Criticism: Genesis, Traditions, Genres*. Kazan: Kazan University Press. 268 p. [In Russian]

11. Merezhkovsky D. S. 2007. *Eternal Satellites. Portraits from World Literature*. Edited by E. A. Andrushchenko. Series: *Literary monuments*. Saint-Petersburg: Nauka. 903 p. [In Russian]
12. Murtuzalieva E. A. 2018. "Literary and critical works of D. S. Merezhkovsky in 1893-1894: genre, typology, originality". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. Tambov: Diploma. No. 3 (81), part 2, pp. 235-240. [In Russian]
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. 1992. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Az LTD. 960 p. [In Russian]
14. Koreneva M. Yu. (ed.). 1991. "Letters from D. S. Merezhkovsky to P. P. Pertsov". *Russian Literature*, no. 2, pp. 156-181. [In Russian]
15. Polonsky V. V. 2008. *Mythopoetics and Dynamics of the Genre in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Century*. Moscow: Nauka. 285 p. [In Russian]
16. Prikhodko I. S. 1999. "'Eternal Companions' by Merezhkovsky (On the Problem of the Mythologization of Culture)". *D. S. Merezhkovsky. Thought and Word*. Edited by V. A. Keldysh, I. V. Koretskaya, M. A. Nikitina. Moscow: Nasledie. Pp. 198-206. [In Russian]
17. Sarychev Ya. V. 1996. "'Subjective criticism' in the system of theoretical and artistic searches of D. S. Merezhkovsky". *Russian Literary Criticism of the Silver Age*. Edited by S. G. Isaev. Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Pp. 73-77. [In Russian]
18. Spasovich V. 2007. "D. S. Merezhkovsky and his 'Eternal Companions'". *Merezhkovsky D. S. Eternal Companions. Portraits from World Literature*. Edited by E. A. Andrushchenko. Saint-Petersburg: Nauka. Pp. 641-681. [In Russian]
19. Terapiano Y. 2001. "Dmitry Merezhkovsky: a look into the past". *D. S. Merezhkovsky: Pro et Contra*. Edited by A. N. Nikolyukina. Saint-Petersburg: RKHGI. Pp. 437-447. [In Russian]
20. Fasmer M. 1996. *Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. Volume 3*. Translated and edited by O. N. Trubacheva. 3^d edition. Saint-Petersburg: Terra-Azbuka. 832 p. [In Russian]
21. Pertsov P. (ed.). 1896. *Philosophical Currents of Russian Poetry. Selected Poems and Critical Articles by S. A. Andreevsky, D. S. Merezhkovsky, B. V. Nikolsky, P. P. Pertsov, V. S. Solovyov*. Saint-Petersburg: F. Merkushev Printing House. 389 p. [In Russian]